

Генеральных штатов и в особенности в моменты кризисов, Марат лучше и вернее понимал общее положение дел и лучше предвидел их ход, чем другие, в том числе даже Дантон и Робеспьер.

С того дня как Марат бросился в революцию, он отдался ей всецело и жил в полнейшей бедности, постоянно вынуждаемый скрываться в подполье, в то время как другие устраивались в правительстве. Вплоть до своей смерти он не изменил своего образа жизни, несмотря на разъедавшую его лихорадку. Дверь его всегда была открыта для людей из народа. Он ошибался, когда думал, что диктатура помогла бы революции выбиться из ее тяжелого положения; но никогда, ни на минуту не подумал он о диктатуре для самого себя.

Как кроваважны ни были иногда его слова по отношению к придворной партии - в особенности в начале революции, когда он писал, что если не снести несколько тысяч голов, ничего не будет сделано, так как двор раздавит революционеров, - он всегда бережно относился к тем, кто отдался революции, даже тогда, когда они в свою очередь становились помехой ее дальнейшему развитию. С первых же дней Конвента он понял и высказал, что, имея в своей среде сильную жирондистскую партию. Конвент будет обречен на бессилие. Но он старался избежать насильственного изгнания жирондистов и тогда только стал сторонником изгнания их из Конвента и организатором восстания 31 мая, когда убедился, что предстояло выбирать между Жирондой и революцией. Если бы он был в живых в 1794 г., то весьма вероятно, что террор не принял бы зверского характера, приданного ему членами Комитета общественной безопасности. Им не воспользовались бы, чтобы казнить, с одной стороны, крайнюю партию эбертистов, а с другой - примирителей, как Дантона¹.

Насколько Марата любил народ, настолько же его ненавидели буржуазные члены Конвента, особенно Равнина, или Болото. Вот почему жирондисты, желая добиться истребления Горы, начали с него: меньше было шансов, чтобы его стали защищать.

Но как только Париж узнал, что против Марата был выпущен декрет о заарестовании, поднялась страшная агитация. 14 апреля вспыхнуло бы восстание, если бы монтаньяры, включая Робеспьера и самого Марата, не уговаривали народ успокоиться. Марат не дал себя арестовать сейчас же, а 24 апреля явился сам перед судом. Присяжные, конечно, немедленно оправдали его, и тогда народ понес его с торжеством на своих плечах в Конвент, а оттуда по улицам. Толпа ликовала, его осыпали цветами.

Таким образом удар, подготовленный жирондистами, обратился против них самих, и с этого дня они поняли, что им не оправиться от своей ошибки. Это был для них «день траура», как говорилось в одной из их газет. Бриссо сейчас же начал писать памфлет «Своим избирателям», где приложил все свои силы и талант к тому, чтобы возбудить страсти зажиточной, промышленной и коммерческой буржуазии против «анархистов».

В таких условиях заседания Конвента обращались в отчаянные схватки между обеими партиями и Конвент терял уважение народа. Зато Парижская коммуна приобретала все больше значения как инициатор революционных мер.

По мере того как надвигалась зима 1792–1793 г., голод в больших городах принимал все более и более мрачный характер. Муниципалитеты выбивались из сил, чтобы добывать хлеб, хотя бы только по четверти фунта в день на каждого жителя. И ради этого городские управления, особенно Парижская коммуна, входили в неоплатные долги государству.

Тогда Парижская коммуна постановила взыскать с богатых единовременный прогрессивный налог в 12 млн. ливров на военные нужды. Если доход главы семейства доходил до 1500 ливров и приходилось по 100 ливров на каждого другого члена семьи, то такой доход признавался представляющим *необходимое* и, как таковой, освобождался от налога. Только те доходы, которые были свыше этого «необходимого», считались «избытком» и несли налог:

30 ливров - с «избытка» в 2 тыс. ливров; 50 ливров - с избытка от 2 тыс. до 3 тыс. ливров и т. д., вплоть до 20 тыс. ливров, взимавшихся с избытка в 50 тыс.

По тем временам, какие переживала Франция, имея войну на руках и страдая от голода, это еще было довольно скромно. Налог тяжело падал только на крупные состояния, тогда как семья в шесть

¹ Марат был прав, когда писал, что все изданное им в начале революции — «Offrande a la patrie», «Plan de Constitution», «Legislation criminelle» и первые 100 номеров его газеты «Ami du peuple» были полны «осторожности, умеренности и любви к людям, к свободе и к справедливости» (Цит. по: Chevrement E. Jean-Paul Marat, v. 1–2. Paris, 1880, v. 2, p. 215). Жорес, внимательно читавший Марата, несомненно, поможет более правильному его пониманию, особенно четвертым томом своей «Истории революции».